

Киселёв А. А.

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск

Kiselev A. A.

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94(476):351.744+316.344.42

НАЧАЛЬНИКИ УЕЗДНЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1863–1914 ГОДЫ)

CHIEFS OF COUNTY POLICE DEPARTMENTS OF BELARUSIAN PROVINCES (1863–1914)

Начальники уездной полиции являлись представителями административной элиты. Однако данные об уровне образования исправников показывают, что престижем эта должность не пользовалась. В начале XX в. среди начальников уездной полиции в белорусских губерниях был высокий процент местных уроженцев. Практически все чиновники были православного вероисповедания. По сравнению с периодом 60-х гг. XIX в. сократилось количество лиц, которые до службы в Министерстве внутренних дел были офицерами русской армии и являлись уроженцами внутренних губерний.

Ключевые слова: полиция; элита; белорусские губернии; уездные полицейские управления.

The chiefs of the county police were representatives of the administrative elite. However, data on the level of education of police officers show that this post did not enjoy prestige. At the beginning of the 20th century, a high percentage of local natives were among the chiefs of the county police in the Belarusian provinces. Virtually all officials were Orthodox. Compared with the period of the 1860s., the number of persons who, before serving in the Ministry of the Interior, were officers of the Russian army and were natives of the inner provinces, decreased.

Keywords: police; elite; Belorussian provinces; county police departments.

Состав чиновничества и направленность кадровой политики в белорусских губерниях после польского восстания 1863–1864 гг. по-прежнему являются предметом исследований, поскольку тесно связаны с дискуссиями о внутренней политике российского правительства в регионе. В этой связи представляет интерес, как меры российского правительства, обусловленные восстанием 1863 г., сказались на составе таких представителей административной элиты, как начальники уездных полицейских управлений.

В целях характеристики основных тенденций в составе исправников, возглавлявших уездные полицейские управления в белорусских губерниях в период от подавления Январского восстания 1863 г. до начала Первой мировой войны, нами были использованы данные местных и центральных официальных справочных изданий [1; 2]. Содержащиеся в них сведения позволяют составить представление о среднестатистическом начальнике уездной полиции. Однако по информативности этот вид источника все же уступает формулярному списку, поскольку в них нет данных о сословном происхождении, первом и последующих местах службы чиновника, вероисповедании жены, что упростило бы задачу по установлению приблизительного места рождения должностного лица.

Нельзя сказать, что в белорусской историографии не ставился вопрос о составе чиновников уездных полицейских управлений в период 60-х гг. XIX – начала XX в. В частности, этот сюжет затрагивался в диссертационных исследованиях и отдельных статьях Е. А. Подорожная [3; 4] и А. Д. Кузьмина [5; 6]. Однако в работах этих авторов при характеристике социального состава местной бюрократии чиновники «русского происхождения» почему-то фактически отождествляются со служащими, переведенными или прибывшими в край из внутренних губерний империи. При поступлении на государственную службу и занятии должностей в пределах западных губерний по ведомству Министерства внутренних дел дискриминация после польского восстания 1863–1864 гг. сохранялась только для местных уроженцев католического вероисповедания, которые не без оснований трактовались властями как лица польской национальности. По крайней мере, после секретного циркуляра министра внутренних дел П. А. Валуева от 17 февраля 1863 г. пост исправника оказался для них закрыт. На практике это означало, что уроженцы белорусских губерний православного вероисповедания не встречали препятствий на пути к административной карьере. Кроме того, при определении национального состава чиновничества не принимается во внима-

ние сложная природа национальной идентичности. Представляется, что было бы корректнее основной акцент делать на выяснении доли местных уроженцев в корпусе государственных служащих, чем на попытках установления их национальной принадлежности. По крайней мере, ни формулярные списки, ни данные официальных справочных изданий о чиновничестве не содержали графы «национальность». Наконец, анализ сведений о начальниках уездных полицейских управлений проводился в контексте общей характеристики состава местной бюрократии, что не позволяет составить представление об этих представителях административной элиты.

В целях анализа состава исправников в период после восстания 1863–1864 гг. нами использовались сведения о 46 (98 %) из 47 начальников уездных полицейских управлений, которые содержатся в «Адрес-календаре Виленского генерал-губернаторства на 1868 год». Спустя четыре года после подавления восстания в белорусских губерниях практически все (91,3 %) начальники уездной полиции были православного исповедания. Исключением оказались чериковский исправник, исповедовавший католицизм, и начальник виленской уездной полиции, указавший, что он лютеранин. В двух случаях (4 %) данные об исповедании отсутствовали. Следует отметить, что подавляющее большинство начальников уездной полиции не являлись местными уроженцами. По косвенным признакам можно уверенно утверждать, что не менее трех (6,5 %) исправников происходили из уроженцев белорусских губерний, причем все они проходили службу в Могилевской губернии.

Представляют значительный интерес сведения об образовательном цензе исправников. Почти каждый пятый (17 %) получил высшее образование: 5 окончили университеты, 2 – приравненные к ним лицеи (в Одессе и Нежине), 1 исправник окончил военизированный Институт корпуса инженеров путей сообщения. 7 (15 %) исправников получили гимназическое образование, 2 (4 %) оказались воспитанниками духовных семинарий. Заметную долю составили лица, чье обучение проходило в частных учебных заведениях: таких оказалось 7 чел. (15 %). Проблема заключается в том, что достаточно сложно оценить уровень полученного в таких заведениях образования. Он мог вполне соответствовать гимназическому или, напротив, не превышать объема уездного училища. Среди исправников только 3 (6,5 %) ограничились курсом уездного училища. В одном случае значилось лишь то, что будущий исправник обучался в учебном заведении Одессы без каких-либо конкретных указаний. Только двое исправников имели отметку о домашнем образовании.

Однако больше всего среди исправников оказалось воспитанников военно-учебных заведений (15, или 32,6 %). В частности, 5 обучались в дворянском полку. Столько же окончили кадетские корпуса, 1 выпустился из артиллерийского училища, а 2 завершили свое обучение в Школе гвардейских подпрапорщиков. Борисовский исправник указал местом обучения Константиновскую военную гимназию, но, по всей видимости, речь шла о Константиновском кадетском корпусе. Среди начальников уездной полиции оказался даже один выпускник Николаевской академии Генерального штаба.

Корпус начальников уездной полиции конца 60-х гг. XIX в. интересен тем, что среди них чиновники с военным прошлым составляли более половины всех служащих (27, или 58,7 %). При этом только в Могилевской (3 из 11) и Витебской (5 из 11) губерниях исправники с армейским опытом оказались в меньшинстве. В остальных губерниях они доминировали над своими гражданскими сослуживцами по ведомству Министерства внутренних дел. Вероятно, что такое распределение обусловлено тем, что в Виленской, Гродненской и Минской губерниях повстанческая активность в 1863 г. была выше. Показательно, что лишь трое (6,5 %) из всех исправников были назначены на должность до 1863 г. Если принять во внимание, что средний стаж пребывания на должности составил приблизительно 3,4 года, то станет ясно, что польское восстание 1863–1864 гг. привело к практически полной смене состава начальников уездной полиции. До своего назначения на должность исправника средний служебный стаж равнялся 19 годам. Средний возраст исправников составил 39,4 года, причем по возрастным группам главы уездной полиции распределились следующим образом: в возрасте от 20 до 25 лет – 1 чел., от 25 до 30 лет – 5 чел. (11 %), от 31 до 35 лет – 8 чел. (17,4 %), от 36 до 40 лет – 10 чел. (22 %), от 41 до 45 лет – 9 чел. (20 %), от 46 до 50 лет – 10 чел. (22 %) и от 51 до 55 лет – 2 (4 %).

Наконец, по семейному положению 11 (23,9 %) чиновников значились как неженатые, 30 чел. (65 %) были женаты, 2 – вдовцами, а в трех случаях информация отсутствовала.

Таким образом, среднестатистический исправник в белорусских губерниях в конце 60-х гг. XIX в. был, как правило, выходцем из внутренних губерний православного вероисповедания, при этом незначительное большинство имело опыт военной службы в русской армии. Стаж на должности показывает, что к исполнению своих обязанностей чиновники приступили совсем недавно, т. е. являлись представителями чиновников, призванных на службу в западные губер-

нии при генерал-губернаторах М. Н. Муравьеве и К. П. фон Кауфмане. Важной особенностью является то, что более половины исправников принадлежали к числу офицеров русской армии, которых при М. Н. Муравьеве охотно назначали на посты глав уездной полиции. Начальники уездных полицейских управлений отличались сравнительно высоким образовательным цензом. Показательно, что только 2 (4 %) исправника ограничили домашним воспитанием.

При характеристике состава исправников в начале XX в. нами использовались сведения из официального справочника о служащих по ведомству Министерства внутренних дел за 1913 г, который содержал сведения о 44 (93,6 %) из 47 начальников уездных полицейских управлений белорусских губерний. В трех случаях информация не была предоставлена (6,4 %). Из всех исправников лишь 4 (9 %) были лютеранами, а остальные исповедовали православие. Показательно, что 3 из 4 чиновников-лютеран служили в Витебской губернии, граничащей с остзейскими губерниями. При попытке установления факта принадлежности чиновника к уроженцам белорусских губерний за основу был выбран такой косвенный критерий, как расположение учебного заведения, в котором завершил свое образование будущий начальник уездной полиции. В результате получилось, что 15 (34 %) из 44 исправников являлись жителями западных губерний, при этом полученные данные скорее всего занижены, поскольку в расчет не принимались лица, сдавшие экзамен на первый классный чин или получившие домашнее воспитание. По крайней мере, не менее трети всех начальников уездных полицейских управлений не принадлежали к числу лиц, приехавших на службу в край из внутренних губерний империи.

Большинство чиновников были семейными (83 %), 1 находился в разводе, 1 исправник был вдовцом, а 4 (9 %) начальника полиции еще не женились. Можно отметить, что по сравнению с данными за 1868 г. оказался выше процент семейных полицейских офицеров. Вероятно, это является косвенным свидетельством увеличения доли чиновников местного происхождения.

Представляют интерес данные об образовательном цензе начальников управлений. В частности, 4 (8,5 %) обучались в духовных учебных заведениях: 3 – в семинарии, но один из семинаристов не сумел окончить обучение, и 1 – в училище. Образованием в уездном училище ограничились 11 (23,4 %) исправников, в городских училищах – 3 (6,4 %). К ним примыкали 2 лица, окончившие специализированные учебные заведения: земледельческое и лесное училища. Заметную группу составляли начальники полиции, которые сдавали экзамен на первый классный

чин при учебном заведении. Таких среди полицейских офицеров оказалось 6 (12,8 %). К ним примыкает бобруйский исправник, воспитывавшийся дома. Особо следует выделить тех, кто проходил обучение в военно-учебных заведениях империи. Из 7 (14,9 %) исправников 2 обучались в Киевской военно-фельдшерской школе, 3 были выпускниками кавалерийских и 1 пехотного юнкерских училищ. Наконец, могилевский исправник не сумел пройти полностью курс в Псковском кадетском корпусе. Любопытно, что никто из 10 (21,3 %) исправников, обучавшихся в гимназиях (4) и реальных училищах (4), Гатчинском сиротском институте императора Николая I и Санкт-Петербургской гимназии Императорского Человеколюбивого общества, не смог полностью освоить курс и по тем или иным причинам оставил среднее учебное заведение. Таким образом, образовательный уровень большинства исправников был невысоким. Показательно, что среди них не оказалось ни одного выпускника гимназии или реального училища. Не менее характерен факт полного отсутствия среди этой категории чиновников Министерства внутренних дел лиц с университетским образованием. Следовательно, накануне Первой мировой войны не изменилась ситуация, описанная в анонимных воспоминаниях о службе в Могилевской губернии на рубеже XIX–XX вв. По словам их автора, образование исправников «ограничивается обыкновенно городским 4-х классным училищем (и это еще хорошо), а умственный кругозор не идет дальше понятия о том, как лучше дать в зубы ленивому городскому и «прижать» жида на базаре, если он скуповат на «подарки» [7, с. 116].

Если проанализировать особенности карьерного роста, то 29 (66 %) из 44 чел. начали свою службу сразу по ведомству Министерства внутренних дел. Средняя продолжительность службы будущего начальника уездной полиции до его назначения на этот пост, с учетом общего стажа, составляла 20 лет и 2 месяца. Однако лучше представление о времени назначения дают интервальные величины. Так, 3 (7 %) исправника заняли эту должность, предварительно прослужив от 5 до 10 лет; от 11 до 15 лет пришлось послужить 6 (13,6 %) чиновникам. В интервал от 16 до 20 лет укладывался служебный опыт 11 (25 %) будущих начальников полиции. Прежде чем получить назначение, 15 (34,1 %) чиновникам пришлось провести на нижестоящих должностях от 21 до 25 лет. 7 исправникам (15,9 %) потребовалось более 25 лет, но менее 30, чтобы стать во главе уездной полиции. Наконец, 2 пришлось прождать более 30 лет, прежде чем состоялось их назначение. Получается, что подавляющее большинство (79,5 %) всех чиновников имели стаж от 15 до

полных 25 лет, т. е. на пост исправника попадали люди со значительным служебным цензом. Отнюдь не случайно в воспоминаниях о быте чиновников Могилевской губернии отмечалось, что на пост начальника уездной полиции назначались «обыкновенно из приставов, бывших раньше простыми околоточными надзирателями» [7, с. 116], т. е. речь идет о лицах, которые проделали последовательную служебную карьеру.

В заключение отметим, что по сравнению с периодом второй половины 60-х гг. XIX в. в составе начальников уездных полицейских управлений в начале XX в. произошли определенные изменения. Во-первых, существенно снизился образовательный уровень исправников, среди которых, за исключением двух человек (4 %), не оказалось ни одного чиновника с полноценным средним образованием. Это косвенно свидетельствует о том, что служба в общей полиции не воспринималась как престижная в элитных социальных группах, поскольку принадлежность должности исправника к административной эли-

те не вызывает сомнения. Кроме того, высокий образовательный ценз в 1868 г. следует скорее всего рассматривать как отклонение от нормы, вызванное массовым переводом чиновников из внутренних губерний. Во-вторых, достаточно высокий процент среди руководителей уездной полиции накануне войны уже составляли местные уроженцы. Вместе с тем по-прежнему сохранялся «закрытый» характер этой должности для лиц католического вероисповедания. В-третьих, большинство чиновников проходили службу по гражданскому ведомству, причем преимущественно в системе учреждений Министерства внутренних дел. Недостатки образовательного ценза отчасти компенсировались значительным служебным стажем перед назначением на должность исправника. Высокий процент отставных и перешедших на гражданскую службу армейских офицеров в конце 60-х гг. XIX в. среди исправников также является «наследием» польского восстания 1863–1864 гг., а не правилом кадровой политики в белорусских губерниях.

Список использованных источников

1. Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 год / сост. секретарем Витеб. стат. ком. А. Сементовским. – СПб.: Витеб. стат. ком., 1868. – 815 с.
2. Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел: за 1913 г. Ч. 2 (Губернии, области и градоначальства). – СПб.: Тип. Мин. вн. дел, 1913. – 946 с.
3. *Подорожня, Е. А.* Местные органы государственной власти и управления в Беларуси (1861–1914 гг.): структура, функции, кадры: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Подорожня. – Минск, 2014. – 180 л.
4. *Подорожня, Е. А.* Полиция и жандармские органы в Беларуси во второй половине XIX – в начале XX в. / Е. А. Подорожня // Беларусь у пачатку XX ст.: Да 100-годдзя БДПУ: зб. навук. пр. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: А. І. Андарала [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 2014. – С. 272–279.
5. *Кузьмин, А. Д.* Социокультурный облик чиновничества белорусских губерний (1864–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Д. Кузьмин. – Могилев, 2017. – 186 л.
6. *Кузьмин, А. Д.* Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в Могилевской губернии (1881–1917 гг.) / А. Д. Кузьмин // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна: зб. навук. пр. / УА Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – 2013. – Вып. 9, ч. 1. – С. 90–96.
7. С. У. На северо-западной окраине (из записок русского чиновника) / С. У. // Исторический вестник. – 1908. – Т. СХІV. – С. 115–133.

Дата поступления: 30.10.2018.